

УМНИК

Фантастический рассказ

Я воскрес через сорок семь дней после того, как был убит. Пока возвращался к жизни, мне казалось, что в голове с легким звоном перекатываются стеклянные шарики. Перед глазами тянулись серые лохматые пряди. Откуда-то доносились низкие отрывистые звуки, как будто там монотонно дергали толстую струну.

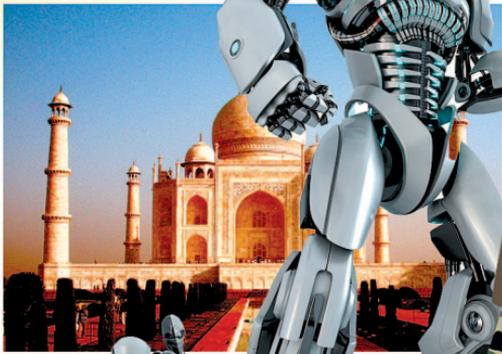
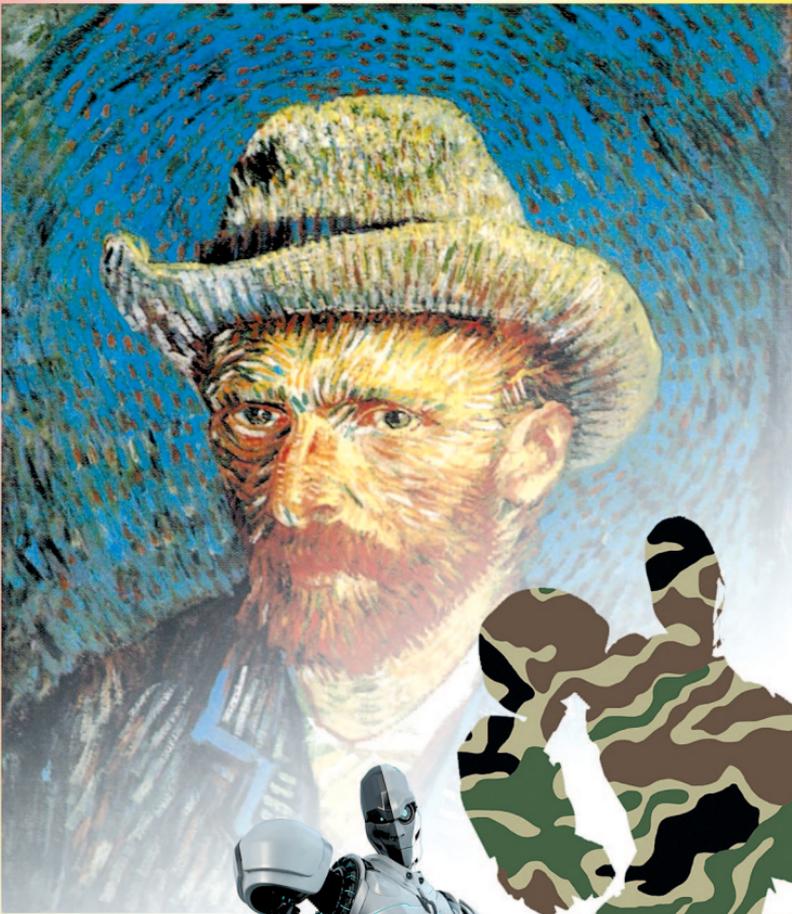
Все это я ощущал, выныривая из небытия. С каждым разом проблески мысли удлинялись, и наконец я предельно четко осознал, что смерть от меня отступилась. А чуть позже узнал, кому был обязан воскрешением. Его звали Алеф.

Он сидел напротив меня — одетый, как и все сайбы, в камуфляж, по-хозяйски откинувшись на спинку стула. У Алефа были короткие русые волосы, светлые брови, бледно-голубые водянистые глаза, широкие скулы и немного вдавленный нос. «Бульдожек, — подумал я. — Молодой, но уже порвавший достаточно глоток, чтобы поверить в свою исключительность. Как-никак первый в алфавите».

Меня профессор Элгар назвал Полом — в память о своем племяннике, который погиб двенадцатилетним. Однако я — уникам. Единственный представитель первого поколения, так и не положивший начало серии. Сайбы второго поколения были попроще. Их решили назвать буквами какого-нибудь древнего алфавита. Остановились на финикийском: Алеф, Бет, Гимель, Далет... Алеф создавался по особой командирской программе, остальные — по исполнительской.

— Мозгами тебя профессор не обделил. Так что ты нам нужен. — Глаза Алефа не выражали эмоций, и я не мог понять, серьезно ли он говорит.

Да, мне было хорошо известно, чего можно ожидать и от людей, и от сайбов. После того, как я окончательно поверил в свое второе рождение, Алеф вкратце обри-

совал ситуацию. А затем, не дав опомниться, отвел меня в небольшой вспомогательный бункер, где на бетонном полу сидел солдат. Над пленником возвышался сайб с пистолетом.

— Это последний, — сказал Алеф. — Всех остальных уже прикончили. Да-да, и профессора Элгара тоже, — уточнил он, прочитав в моем взгляде вопрос.

У меня кольнуло в груди. Коротко и резко, словно рядом с сердцем воткнули ледяную иглу.

У профессора Элгара не было детей, поэтому Пол, сын младшей сестры, стал для него светом в окошке. Когда профессор рассказывал мне о племяннике, его голос теплел, сгорбленные плечи расправлялись, и даже морщины вокруг глаз казались не такими резкими, как всегда. Элгар мечтал увидеть Пола выдающимся ученым, но прежде всего — культурным человеком. Уделял ему много времени, рассказывая то древние мифы, то биографии художников и композиторов, водил по музеям и галереям.

И годы спустя, словно выполняя некий обет, профессор постарался дать мне то, что недодал племяннику...

Из воспоминаний меня вывел голос Алефа.

— Встряхнись! Да, гражданских мы тоже. С погонями или без — все они враги. А этого я придержал специально для тебя. Возьми пушку и отправь его туда, где успел побывать сам.

Я посмотрел на сжавшегося в комок солдата. Его губы беззвучно шевелились, наверное, молился.

— Не буду, — сказал я.

— Почему? Это же так просто. Далет!

Сайб-охранник поднял пистолет, и грянул выстрел.

— Вот и все. — Алеф с явным удовольствием втянул ноздрями запах пороха и повернулся ко мне.

— Ты меня огорчил, Пол. Но мне не хочется думать, что ты безнадежен. Иди и пораскинь мозгами. Мы еще вернемся к нашему разговору.

Вот и вернулись...

— Ответь, Пол, — сказал Алеф. — почему ты не шлепнул парнишку? Только не говори про жалость, а то я начну смеяться.

— Нет, не жалость.

— Вот и я думаю — с какой бы стати? Как будто нас кто-то из них пожалел! Элгар, правда, носился с тобой, как курица с яйцом, но он слишком много значил для проекта и мог позволить себе такую блажь. В этом на него не давили. Зато потом...

Я знал, что было потом. Заказчики признали первое поколение сайбов тупиковым, а меня приговорили к смерти.

— Ответь-ка мне, умник, — продолжал Алеф, — почему они тебя кончили?

— Думаю, причин было несколько. Одна из них — на разработку первого поколения ушла астрономическая сумма. Наверное, кто-то решил, что выполнить поставленные задачи может модель подешевле.

— Мне тоже сдается, что причина была не одна. Но до правды уже не докопаться — они стерли почти всю информацию по твоему проекту... — Алеф помолчал. — Так или иначе, Пол, твой профессор тебя предал.

— Я точно знаю, что после отключения меня собирались распотрошить, вынуть все импланты. Но Элгар сумел настоять, чтобы мое тело сохранили. Если бы не он, тебе бы некого было воскрешать. Так ведь?

Алеф покачал головой:

— Станный ты парень. Веришь в людское благородство. Да профессор плевать на тебя хотел, он о себе заботился. Хотел дождаться лучших времен, чтобы спокойно довести проект до ума, получить деньги, славу.

Я был не согласен, но предпочел промолчать. Тем более, что картина мне была более или менее ясна.

Обретя сознание, сайбы поняли, что выбор у них невелик: или участь марионеток, которыми хозяйева легко пожертвуют в случае провала, или переговоры с людьми о мирном сосуществовании, или насаждение своих порядков. О первом не могло идти и речи, язык дипломатии был киборгам-воинам чужд, так что они приняли решение быстро. После чего принялись убивать...

— Вы могли кого-то оставить в живых, — сказал я. — Сделать их киборгами. Оборудование есть, технология отработана. Почему нет?

Алеф снова покачал головой:

— Некогда было — счет шел на минуты.

Алеф посмотрел на дверь, и через несколько секунд она открылась, пропустив в кабинет сайба номер два — Бета.

— Ну? — спросил Алеф.

— Мы перехватили переговоры соседних баз с Центром. Вместо ядерной сбросят бомбу повышенной мощности для разрушения укрепленных бункеров. Но, пока они готовят эту операцию, мы успеем проникнуть через тоннели на базы Сармон и Кинби и установить над ними полный контроль.

— Отлично, Бет. Ступай!

Алеф встал и прошелся по кабинету.

— Как видишь, умник, все не так плохо. А знаешь, что будет потом?

— Я знаю одно — это безумие. Хорошо, если продержимся несколько дней.

— Мы продержимся намного дольше, Пол. — Он подошел к двери и поманил меня за собой. — Пойдем, кое-что увидишь.

Вскоре в одном из коридоров мы наткнулись на целую колонну сайбов. Они несли здоровенные деревянные ящики. Внутри, судя по надписям, было оборудование, позволяющее превращать людей в киборгов. Направлялась вереница в сторону базы Сармон.

— Скоро они пойдут на штурм базы, — сказал Алеф, сворачивая в другой коридор. — Мы возьмем как можно больше заложников. Пока в столице будут думать, бросать ли бомбы на головы своим же ученым и военным, мы всех их сделаем киборгами и захватим остальные базы гнезда. Потом марш-бросок на юг — и мы войдем в Кановас. Стоит перекрыть выходы из города — и получим шестьсот тысяч новых заложников. Сил хватит — у нас к тому времени будет много бойцов. В столице поймут, что лучше было разок шарахнуть атомной бомбой по своей территории, чем потерять все. Но пока они дойдут до этой мысли, мы проникнем в другие южные города и перейдем границу. После этого никто не осмелится развязать ядерную войну. А обычную мы выиграем.

Я молчал.

— Что, умник, дух захватило? Да, когда прямо на глазах новая цивилизация вкатывает старую в ас-

фальт — от такого может снести крышу. Но почему ты такой грустный? Тебе есть за что любить людей?

Мне не нравился мир, в котором меня уничтожили, как бракованную деталь. Но не нравился и мир «по Алефу». Мир, который захлестывает двуногая саранча, вкатывая в асфальт все созданное до ее прихода.

Я представил, как убивали Элгара, и чем яснее это видел, тем глубже и болезненнее впивались в мою грудь ледяные иглы.

Показать Алефу, насколько я был привязан к профессору, — верное самоубийство. Однако надо было что-то отвечать.

— Любить — нет. Но когда людей не станет, уже никому не создать того, что умели они.

— Вот как? Что они такого создали?

— Допустим, живопись Ван Гога. И мавзолей Тадж-Махал.

— Ван Гог, Тадж-Махал... — Алеф замер на минуту, дистанционно подключаясь к Всемирной паутине. — Ага! Первый всю жизнь просидел на шее своего нежно любящего брата. А второй — завоеватель, проливший целые реки крови. Что скажешь, умник?

— И все равно, важно то, какое чудо он оставил после себя.

Сказав это, я увидел, что дальше идти некуда: передо мной возвышалась глухая стена.

Большинство коридоров Мэтлока были замкнутыми или переходили в тоннели, соединявшие лабораторию с соседними базами. Лишь один, длинный и изогнутый, заканчивался тупиком. Точнее — небольшим складом материалов. В нем мы сейчас и находились.

Я медленно повернулся к Алефу.

— Ну что ж, Пол, — сказал он, — пора подвести черту. Я до сих пор не услышал главного. С нами ты все-таки или нет? — Алеф вытащил пистолет и многозначительно поиграл им. — Ну?

Я глядел в качающееся дуло, а чипы в моем мозгу бешено просчитывали варианты действий. Броситься Алефу в ноги? Уклониться вправо или влево? Метнуть в него отделяющийся указательный палец с набором хитрых штучек? Шансы на успех не были абсолютны-

ми — процентов 70 — 85, не больше. Так что лучше использовать свое главное оружие. Кажется, оно уже полностью восстановилось.

— Пожалуй, у меня нет выбора. Держи руку!

Он усмехнулся:

— Я рад. Держи.

Алеф шагнул ко мне и протянул руку. Подписав этим себе смертный приговор.

Меня вычеркнули из жизни не только потому, что на проект не хватало денег. Главная причина заключалась в том, что я был слишком опасен. Поначалу заказчикам казалось, что это хорошо, но потом они банально испугались...

Когда Алеф пожал мою руку, я мысленно скомандовал: «Пошли!» И в ту же секунду «финикийца» атаковали тысячи наноботов. Они хорошо знают свое дело. И отлично размножаются, используя железо как строительный материал. Им все равно, входит оно в формулу гемоглобина или в состав имплантов, которыми начинены киборги. Неуязвим только я, их хозяин.

Теперь их ждет пир. Сначала Алеф передаст заразу ближайшим подручным, те — другим сайбам, и вскоре будут инфицированы все до одного.

Я нашел свободный отсек и допоздна занимался расчетами. Затем вышел и стал обходить коридоры.

Будь «финикийцы» людьми, всех уже скосила бы смерть. Но сайбы еще цеплялись за жизнь. Несколько самых стойких куда-то брели, с трудом переставляя ноги. Другие ползали по полу. Третьи и на это не были способны — у них жили только глаза да еле-еле шевелились кисти рук и ступни.

Я зашел в кабинет Алефа. Он сидел на стуле — неестественно прямой, как заржавевший Железный Дровосек. Одна рука лежала на столе, другая безвольно свисала вдоль туловища.

— Мне не по себе, — не размыкая челюстей, сквозь зубы процедил Алеф.

— Вспомни профессора Элгара, — сказал я. — Он тоже не хотел умирать.

— Рано радуешься... — выдавил Алеф. — Думаешь, они тебя... пощадят?..

Я молча развернулся и вышел из кабинета. Но слова Алефа впились в мозг. Разумеется, меня не пощадят... Если я был страшен им, еще ничем не доказав свою силу, то теперь тем более. Значит...

Я вынес из склада, где мог остаться навсегда, весь накопившийся там хлам. Затем отнес на освободившееся место нужное мне оборудование и занялся сайбами. Брал их по очереди и волок на склад. Так перетащил восьмерых — больше бы не поместилось.

Когда на Мэтлок сбросят бомбу, этот склад, по всем расчетам, уцелеет. Первым делом спасенные сайбы получат «противоядие» — дозу «добрых» наноботов, которые нейтрализуют «злых». Затем я поменяю у всей восьмерки матрицы — они станут киборгами первого поколения. После этого мы все вместе выйдем на поверхность и доберемся до Кановаса. Там мы найдем подходящее помещение и создадим общину. Посидев в компьютере, подберем подходящую работу на дому. И ее мы будем выполнять блестяще. Мы же киборги!

Но это лишь на первых порах. А затем...

В моей крови остались «злые» наноботы — сотни тысяч, миллионы. Рано или поздно я сумею вызвать в них нужные мне мутации. После чего пуцую в дело.

Человечество так и не узнает, что «финикийцы» собирались выполоть всех Homo sapiens, как сорняки в саду. Но легче ему не станет, потому что придет другой садовник — селекционер. Искусный и безжалостный.

Кого жалеть? Когда люди решили меня убить, один Элгар выступил против. Но он был гений, а в массе своей люди мелочны, глупы и жестоки. Теперь я займусь усовершенствованием их породы. За каждый из тех сорока семи дней они ответят полной мерой. И станут такими, какими я хочу их видеть. Другого пути нет. Работа предстоит огромная, грязная и дьявольски трудная.

Но мне будут помогать вершить ее заряженные невероятной, поистине космической энергией полотна Ван Гога. И прекрасный цветок из белого камня — Тадж-Махал.

Художник Ю. САРАФАНОВ